

сущность его системы. Разобраться въ этой причудливой и крайне сложной ткани — дѣло весьма трудное и требующее огромныхъ и детальныхъ изученій. Но это была бы работа и облагораживающая, и плодотворная, и въ высшей степени своевременная.

С. АДРИАНОВЪ.

ПАМЯТИ ВАСИЛІЯ ОСИПОВИЧА КЛЮЧЕВСКАГО

Въ лицѣ Василя Осиповича Ключевскаго Россія потеряла человека съ ярко выраженной индивидуальностью и крупнымъ талантомъ: своеобразный творческій умъ и научная пытливость соединялись въ немъ съ глубокимъ чутьемъ исторической дѣйствительности и съ рѣдкимъ даромъ художественнаго ея воспроизведенія.

Русская историческая наука многимъ обязана Ключевскому и, конечно, не замедлитъ надлежащимъ образомъ оцѣнить его заслуги и разбраться въ той массѣ мыслей, наблюденій и выводовъ, которые онъ съ такимъ мастерствомъ расточалъ на своихъ лекціяхъ и въ своихъ научныхъ трудахъ, всегда возбуждая умственную дѣятельность слушателей или читателей, часто очаровывая ихъ яркостью образовъ и оживленностью своей рѣчи. Но передъ еле закрывшейся могилой великаго историка и слишкомъ свѣжимъ воспоминаніемъ о тяжелой утратѣ, всесторонняя оцѣнка его личности, его трудовъ и его дѣятельности была бы преждевременна; легче отмѣтить, хотя бы въ самыхъ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ, нѣсколько важнѣйшихъ особенностей его научнаго міровоззрѣнія и, не входя въ подробное изученіе ихъ генезиса, указать на то вліяніе, которое онѣ оказали на его пониманіе общаго хода нашей исторіи.

Старѣйшій нашъ университетъ, въ который Ключевскій поступилъ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, давно уже сталъ центромъ напряженной исторической работы; но въ то время, когда Ключевскій началъ посѣщать лекціи московскихъ профессоровъ, онъ уже не засталъ въ ихъ средѣ ни Грановскаго, ни Кудрявцева; онъ мало слушалъ и Ешевскаго, который читалъ свой курсъ древней и средней исторіи съ большими перерывами. Соловьева, напротивъ, Ключевскій узналъ въ цвѣтѣ силъ и студентомъ третьяго курса сталъ записывать его лекціи. Внимательно вслушиваясь въ его „говорящее размышленіе“, даровитый студентъ старался ухватиться за нить развиваемыхъ имъ мыслей и не замѣчалъ его отрывистой рѣчи: онъ чув-

становалъ, что съ нимъ бесѣдуетъ человѣкъ съ стройнымъ и цѣльнымъ міросозерцаніемъ и съ выработаннымъ, столь же цѣльнымъ взглядомъ на ходъ русской исторіи, крупные факты которой онъ всегда разсматривалъ при свѣтѣ общихъ историческихъ идей. На лекціяхъ своего учителя, большого поклонника Гизо, Ключевскій научился цѣнить его общіе взгляды: онъ сроднился съ мыслью о „закономѣрности“ историческихъ явленій и привыкъ изучать ихъ въ „естественной и необходимой“ ихъ связи между собою и въ ихъ органическомъ развитіи; на тѣхъ же лекціяхъ онъ знакомился, конечно, и съ исторіей русскаго государства, а отчасти и съ „исторіей сословій“, не говоря о цѣломъ рядѣ болѣе частныхъ замѣчаній, вводившихъ его въ изученіе нашего прошлаго. И въ послѣдствіи онъ продолжалъ думать, что для того, чтобы „идти прямо и твердо въ своей работѣ, каждый изслѣдователь русскаго прошедшаго долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же“, и что Соловьевъ, „какъ маякъ, еще долго будетъ служить первымъ указателемъ пути даже для того, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ“.

Ключевскій, дѣйствительно, во многомъ разошелся съ Соловьевымъ, и прежде всего въ исходныхъ положеніяхъ, а не только въ „послѣднихъ выводахъ“: онъ исходилъ изъ другой соціологической оцѣнки историческихъ факторовъ и иначе строилъ историческій процессъ.

Съ соціологической точки зрѣнія, не чуждой, впрочемъ, и Соловьеву, Ключевскій представлялъ себѣ человѣческое общежитіе такимъ же фактомъ міроваго бытія, какъ и жизнь окружающей насъ природы, а возникновеніе, ростъ и смѣну подобнаго рода союзовъ, со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни, называлъ историческимъ процессомъ. Съ той же соціологической точки зрѣнія Ключевскій различалъ и „предметы историческаго изученія“: подобно тому, какъ соціологи дѣлятъ свою науку на соціальную статику и соціальную динамику, и нашъ историкъ полагалъ, что исторія должна изучать „строеніе общества“, свойства и дѣйствія созидającychъ и направляющихъ его силъ“ и слѣдить за выработкой человѣка и человѣческаго общежитія, за его „успѣхами“ или его „прогрессомъ“; но тогда какъ Соловьевъ, подобно Боклю, сталъ указывать на возрастающее вліяніе „духовныхъ силъ“ въ исторіи, Ключевскій, слѣдуя иному соціологическому направленію, обращалъ особенное вниманіе на матеріальные факторы. Съ такой соціологической точки зрѣнія Ключевскій не могъ придавать идеямъ того значенія, какое приписывалъ имъ Соловьевъ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, въ извѣстной рецензіи своей на книгу Щапова о соціально-педагогическихъ условіяхъ умственнаго развитія русскаго народа (1870 г.), Ключевскій обнаружилъ, повидимому, иное отношеніе къ „исторіи интеллектуальной жизни“:

Ключевскій полагалъ, что историкъ, занимающійся исторіей общества, а не отдѣльныхъ личностей и ихъ идей, интересуется плодами личнаго творчества лишь съ точки зрѣнія ихъ „дѣеспособности“; лишь послѣ того, какъ личная идея стала общественнымъ, историческимъ фактомъ, т.-е. когда она выходитъ изъ предѣловъ личнаго существованія и дѣлается общимъ достояніемъ, и не только общимъ, но и обязательнымъ, т.-е. общепризнаннымъ правиломъ или убѣжденіемъ, она заслуживаетъ вниманія историка; лишь добившись общаго признанія и ставъ руководительницей политики, законодательства или хозяйственнаго оборота, она можетъ быть признана „историческимъ явленіемъ“. Слѣдовательно, историку приходится сосредоточивать свое вниманіе на изученіи болѣе видныхъ факторовъ историческаго развитія, т.-е. экономическихъ и соціальныхъ отношеній, а также политическаго строя. Въ позднѣйшее время, кажется, самъ Ключевскій ввелъ, однако, существенную оговорку въ такое пониманіе: заявляя, что „умственный трудъ и нравственный подвигъ всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человѣческаго развитія“, онъ сталъ придавать „чисто методологическое значеніе“ изученію фактовъ „политическихъ и экономическихъ“, т.-е. настаивалъ преимущественно на извѣстномъ порядкѣ изученія историческихъ факторовъ, по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ общій историческій процессъ, а не въ соотвѣтствіи съ ихъ послѣдующимъ значеніемъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій долженъ былъ, однако, признать, что историкъ „идетъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ явленій къ силамъ“, т.-е., что онъ долженъ пользоваться фактами „экономическими и политическими“ (да и многими другими) и для изученія исторіи идей, разумѣется—тѣхъ, которыя имѣли историческое значеніе; самъ онъ принималъ во вниманіе такое требованіе, когда утверждалъ, напримѣръ, что исторія задаетъ каждому народу „работу надъ своей собственной природой“, т.-е. „работу надъ самимъ собою“, не осуществимую, конечно, безъ руководящихъ „идей“ или „идеаловъ“; или когда высказывалъ, что „энергія личнаго матеріальнаго интереса возбуждается не самымъ этимъ интересомъ, а стремленіемъ обезпечить личную свободу, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, умственную и нравственную“, и что „эта послѣдняя на высшей ступени своего развитія выражается въ сознаніи общихъ интересовъ и въ чувствѣ нравственнаго долга дѣйствовать на пользу общую“.

Въ пониманіи „процессовъ“, образующихъ исторію, Ключевскій также нѣсколько разошелся съ Соловьевымъ: вышедши изъ западни-

развитіе ея „совершается вообще правильнѣе другихъ сферъ жизни“... „по существу она проще и легче для изученія въ сравненіи съ исторіей общественной жизни“...

ческой школы, онъ началъ свою научную дѣятельность въ то время, когда борьба ея съ славянофилами уже значительно ослабѣла, и могъ свободно пользоваться взглядами и выводами ученыхъ, принадлежавшихъ къ разнымъ направленіямъ. Самъ Ключевскій, говоря о современныхъ ему теченіяхъ, замѣтилъ, что, хотя одни изучаютъ „генезисъ и развитіе политическихъ формъ и социальныхъ отношеній“, а другіе— „ростъ національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа“, но различіе ихъ взглядовъ не имѣетъ принципиальнаго значенія; напротивъ, онъ признавалъ такія направленія лишь „простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ“ и, значить, считалъ возможнымъ пользоваться выводами обоихъ; не придерживаясь исключительно ни того, ни другого, онъ могъ почерпать изъ обоихъ то, что ему казалось нужнымъ для выработки своего собственнаго пониманія нашего прошлаго. Дѣйствительно, Ключевскій пополнилъ схему, принятую Соловьевымъ: сохранивъ, конечно, понятіе о государствѣ, но приписывая большое значеніе и „народности“—началу, на которомъ въ то время уже сходились сторонники разныхъ теченій,—онъ ввелъ ее въ свое построеніе русской исторіи. Такимъ образомъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на выясненіи двухъ процессовъ: изучая одинъ изъ нихъ, онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ понятіе о государствѣ вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ изъ виду и того, какъ, въ связи съ ростомъ государства, завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своей сложной тканью нашу народность.

Естественно, что, подъ вліяніемъ своей соціологической оцѣнки историческихъ факторовъ, а отчасти и вышеуказаннаго пониманія „процессовъ“ исторіи, Ключевскій долженъ былъ преимущественно интересоваться тѣми элементами въ жизни русскаго общества, которые онъ называлъ „политическими, социальными и экономическими“ фактами; принимая во вниманіе ученіе о народности, онъ, впрочемъ, не считалъ возможнымъ изучать исторію „политическихъ и общественныхъ формъ“ безъ заполнявшаго ихъ содержанія, т.-е. внѣ ихъ связи съ социальной жизнью, составомъ общества, борьбою классовъ и тому подобными процессами; онъ ставилъ ихъ, въ свою очередь, въ тѣсную зависимость отъ „экономическихъ отношеній“ и въ особенности отъ „производительности народнаго труда“, но не упускалъ, однако, изъ виду и обратной зависимости „фактовъ экономическихъ“ отъ „политическихъ“, особенно замѣтной въ моменты напряженнаго развитія военныхъ силъ нашей страны.

Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ главнѣйшихъ трудовъ Ключевскаго можно подыскать не мало примѣровъ того соціологическаго

интереса, съ какимъ онъ относился къ „политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ фактамъ“ русской исторіи. Въ студенческой работѣ, посвященной обзорѣнїю сказаній иностранцевъ о Россіи, онъ уже обратилъ преимущественное вниманіе на тѣ свѣдѣнія, какія они сообщали о географіи страны, о нѣкоторыхъ явленіяхъ государственной и общественной жизни, а также о „матеріальной“, но не о нравственной ея сторонѣ, „гораздо менѣе открытой для посторонняго глаза“; съ того времени онъ не переставалъ изучать тѣ же категоріи фактовъ. Въ другой работѣ, также предпринятой, вѣроятно, подъ вліяніемъ своего учителя, Ключевскій, правда, занялся критическимъ разборомъ матеріала, который, казалось бы, имѣлъ очень мало отношенія къ такимъ процессамъ, а именно обратился къ изслѣдованію древне-русскихъ житій святыхъ; но онъ приступилъ къ ознакомленію съ ними въ надеждѣ найти въ нихъ обильный и свѣжій источникъ для выясненія того участія, какое монастыри принимали въ колонизаціи сѣверовосточной Руси — и только въ виду особенностей самыхъ источниковъ, долженъ былъ измѣнить постановку своей темы. И въ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ не упускалъ изъ виду соціологической точки зрѣнія, при изученіи, на примѣръ, той среды, въ которой зародилась литературная форма житій, ея типическихъ чертъ и послѣдующихъ ея превращеній, распространенія житій въ обществѣ, а также того воздѣйствія, какое „древне-русскій читатель оказывалъ на біографа“. Во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшихъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Ключевскій преимущественно сосредоточивалъ свое вниманіе на исторіи учреждений и соціально-экономическихъ отношеній, касаясь иногда и другихъ темъ въ статьяхъ и рѣчахъ болѣе случайнаго происхожденія.

Въ связи съ принятою имъ соціологической точкой зрѣнія и интересомъ къ народности, Ключевскій, при изученіи учреждений, гораздо болѣе Соловьева обращалъ вниманіе на соціальныя и экономическія отношенія. Въ капитальномъ своемъ трудѣ о боярской думѣ, на примѣръ, онъ довольно рѣзко обнаружилъ такое именно свое отношеніе къ исторіи учреждений: проводя различіе между ихъ содержаніемъ и формою, онъ полагалъ, что историкъ не можетъ изучать ихъ безъ выясненія наполнявшаго форму матеріала, такъ какъ въ противномъ случаѣ не пойметъ, почему одинъ и тотъ же „порядокъ“ въ разныхъ условіяхъ получалъ различное значеніе. Тотъ же взглядъ онъ примѣнилъ и къ спеціальному изученію боярской думы: онъ интересовался не тѣмъ; „откуда взялись формы, свои онѣ или чужія“, а тѣмъ, „какое туземное содержаніе влилось въ нихъ и переработало ихъ“; онъ изучалъ „соціальную исторію думы“ „въ связи съ исторіей общества“, въ связи съ „процессомъ образованія верхнихъ его слоевъ“;

онъ подчеркивалъ вліяніе соціального состава управленія на развитіе боярской думы и слѣдилъ за образованіемъ московской правительственной аристократіи, бывшей политической силой, но не властью, права которой были бы пріобрѣтены оружіемъ или ограждены закономъ; онъ выяснилъ также перемѣны въ соціальномъ и правительственномъ составѣ думы, постепенное превращеніе ея въ центральный органъ управленія, ея законодательное значеніе, а также ея перерожденіе изъ аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе, вплоть до замѣны ея сенатомъ. Тотъ же интересъ къ соціально-политической исторіи Ключевскій проявилъ и въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о „составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси“. Тонкій анализъ ихъ соціального состава привелъ его и къ новому выводу касательно характера самаго учрежденія; онъ пришелъ къ заключенію, что „основнымъ принципомъ“ представительства на земскихъ соборахъ XVI-го вѣка было, въ сущности, „представительство по должностному правительственному положенію, а не по общественному выбору“, что, впрочемъ, не помѣшало ему отмѣтить въ составѣ послѣдняго изъ соборовъ того же вѣка „выборныхъ представителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ“. Кромѣ того, связавъ исторію земскихъ соборовъ XVI в. съ исторіей земскихъ учреждений, онъ выяснилъ происхожденіе и значеніе представительства въ XVI вѣкѣ, какъ „вышей формы поруки въ управленіи“: онъ показалъ, что правительство, созывая соборъ, стремилось „обезпечить себѣ дружное и усиленное содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ обществъ“, должностные представители которыхъ, „поручившись за исполнимость соборнаго приговора, должны были принять на себя и провести въ мѣстныхъ общества отвѣтственное его исполненіе“.

Въ другихъ работахъ Ключевскій принялся за изученіе соціально-экономическихъ, а не соціально-политическихъ отношеній: уже до появленія статей о земскихъ соборахъ онъ выступилъ съ замѣчательными изслѣдованіями по исторіи прикрѣпленія крестьянъ и крѣпостнаго права, паденіе котораго произвело на него сильное впечатлѣніе. Въмѣсто того, чтобы сводить процессъ прикрѣпленія къ исторіи мѣръ, предпринимаемыхъ московскимъ правительствомъ, Ключевскій впервые выяснилъ значеніе возраставшей частной зависимости владѣльческаго крестьянина отъ землевладѣльца, обусловленной, главнымъ образомъ, экономическими отношеніями, и обратилъ особенное вниманіе на то, какимъ образомъ движеніе холопства въ сторону крестьянства встрѣтилось съ противоположнымъ движеніемъ крестьянства въ сторону холопства и какъ этотъ двойной процессъ завершился первой ревизіей и привелъ къ образованію крѣпостнаго состоянія.

Въ разысканіяхъ подобнаго рода Ключевскій долженъ былъ, ко-

нечно, натолкнуться на цѣлый рядъ проблемъ, касавшихся чисто экономической исторіи Московской Руси и до того времени очень мало затронутыхъ въ нашей историографіи: онъ обратилъ серьезное вниманіе, на примѣръ, на одинъ изъ самыхъ основныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ экономической исторіи, а именно, на вопросъ о цѣнности денегъ, и попытался опредѣлить отношеніе покупательной силы или мѣновой цѣнности нашего рубля XVI—XVII вв. къ современной и постепенное ея паденіе, совершившееся, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній.

Такой же соціологическій интересъ къ „политическимъ, социальнымъ и экономическимъ фактамъ“ въ ихъ совокупности Ключевскій обнаружилъ, наконецъ, и въ своемъ „Курсѣ русской исторіи“. Въ введеніи къ нему онъ заявляетъ, что имѣетъ въ виду заняться „соціологическимъ“ изученіемъ ея, какъ „мѣстной исторіи“ и будетъ излагать „факты политическіе и экономическіе съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія и — только, ничего болѣе“. И дѣйствительно, въ своихъ лекціяхъ онъ обращаетъ большое вниманіе на ходъ колонизаціи и ея результаты, на „политическія и общественныя формы“, на внутреннія политическія отношенія, на составъ общества, на то положеніе и взаимное отношеніе, какое устанавливалось между соціальными классами подъ вліяніемъ экономическихъ и иныхъ условій, и т. п.

„Соціологическое изученіе“ русской исторіи Ключевскій понималъ, однако, не въ смыслѣ абстрактнаго разсмотрѣнія „политическихъ, социальныхъ и экономическихъ фактовъ“: по примѣру Соловьева исходя изъ мысли о „связи явленій“, о томъ, что „въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто не дѣйствуетъ одиноко, особнякомъ“, онъ давно уже обратилъ вниманіе на многообразіе историческаго процесса; при изученіи того, а не иного сочетанія „политическихъ, социальныхъ и экономическихъ фактовъ“ онъ стремился комбинировать свою соціологическую точку зрѣнія съ собственно исторической и, подобно Соловьеву, но съ большею послѣдовательностью отѣнялъ „своеобразность“ русской исторіи. Вообще обнаруживъ такое стремленіе уже въ одной изъ своихъ статей, писанныхъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, по поводу „соціально-педагогическихъ условій умственнаго развитія русскаго народа“, онъ болѣе систематично проводитъ его, на примѣръ, въ „Боярской Думѣ“ и особенно въ „Курсѣ русской исторіи“.

Въ самомъ пониманіи задачъ мѣстной исторіи, какое Ключевскій предлагаетъ въ началѣ своего „Курса“, онъ высказываетъ такой именно взглядъ на „соціологическое изученіе“ нашего прошлаго: онъ полагаетъ, что „мѣстная исторія“ даетъ готовый и обильный матеріалъ и для „исторической соціологіи“, т. е. для ученія о „строяніи

общества“, и для знакомства съ „законами движенія“ людского общежитія, съ тѣмъ, „при какихъ условіяхъ извѣстный элементъ его двигаетъ человечество впередъ по пути мірового прогресса и когда задерживаетъ его движеніе“; но онъ признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что „отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразиемъ своихъ явленій“, т.-е. своеобразиемъ сочетаній ея элементовъ, хотя бы они, порознь взятые, и были сходны съ элементами другихъ исторій, и что, слѣдовательно, „научный интересъ исторіи того или другого народа опредѣляется количествомъ своеобразныхъ мѣстныхъ сочетаній и вскрываемыхъ ими свойствъ тѣхъ или иныхъ элементовъ общежитія“. Съ такой двойственной точки зрѣнія Ключевскій приступаетъ и къ изученію русской исторіи. Она представляетъ сравнительно простые процессы, „въ которыхъ можно достаточно отчетливо разглядѣть работу историческихъ силъ, дѣйствіе и значеніе различныхъ пружинъ, входившихъ въ сравнительно несложный составъ нашего общежитія“; но она отличается и „своеобразнымъ сочетаніемъ дѣйствовавшихъ въ ней условій народной жизни“.

Итакъ, „своеобразіе“ нашей исторіи Ключевскій понимаетъ прежде всего въ смыслѣ своеобразнаго сочетанія хотя бы и сходныхъ съ другими элементовъ русской жизни, и характеризуетъ каждый ея періодъ особаго рода сочетаніемъ ихъ, отличнымъ отъ того, какое они получали въ другомъ. Въ зависимости, напримѣръ, отъ различія въ комбинаціяхъ между элементами государственной власти, соціальной жизни и производительности народнаго труда, обусловленныхъ частью мѣстными условіями колонизаціи, частью „внѣшними обстоятельствами“, Ключевскій и построяетъ въ своемъ „Курсѣ“ общій ходъ нашей исторіи: онъ полагаетъ, что колонизація, которую, впрочемъ, не упускалъ изъ виду и его предшественникъ, была „основнымъ“ ея фактомъ и что всѣ другіе ея факты стояли въ близкой или отдаленной связи съ колонизаціей; онъ заявляетъ, что „этотъ фактъ и служить основаніемъ плана курса“. Ближайшую съ нимъ связь онъ усматриваетъ и въ нѣкоторыхъ „политическихъ и экономическихъ фактахъ“: онъ полагаетъ, что Русь съ VIII-го до XIII-го вѣка была „днѣпровской, городовою, торговою“, съ XIII-го до середины XV-го вѣка — „верхневолжской, удѣльно-княжеской, вольно-земледѣльческой“, съ середины XV-го до второго десятилѣтія XVII-го вѣка — „великой, московской, царско-боярской, военно-земледѣльческой“, наконецъ, съ начала XVIII-го до середины XIX-го вѣка — „всероссійской, императорско-дворянской, съ крѣпостнымъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ и фабрично-заводскимъ“.

Въ предлагаемой имъ періодизаціи русской исторіи, Ключевскій, какъ видно, остался вѣренъ своей первоначальной концепціи истори-

ческаго процесса: онъ разсуждаетъ о своеобразномъ сочетаніи „политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ“, но не удѣляетъ въ немъ особаго мѣста для „идей“, несмотря на то, что самъ высоко цѣнить развитіе національнаго самосознанія и процессъ образованія исторической личности русскаго народа, которые нельзя сводить къ однимъ только вѣшнимъ проявленіямъ его дѣятельности, не нарушая цѣлесобразности и непрерывности ея эволюціи. Впрочемъ, въ указанномъ выше смыслѣ, Ключевскій принимаетъ во вниманіе и „интеллектуальные факторы“, дѣйствовавшіе въ русской исторіи, особенно позднѣйшей. Хотя вмѣсто древней религіи восточныхъ славянъ онъ и говоритъ только о ихъ „миеологіи“, да и касается ея лишь въ связи съ слѣдствіями колонизаціи, хотя онъ и не останавливается на подробномъ разсмотрѣніи вліянія христіанской и византійской культуры на древнерусскую жизнь и довольствуется преимущественно изученіемъ церковныхъ уставовъ русскихъ князей и вліяніемъ церкви на гражданскій бытъ и политическій порядокъ, лишь мимоходомъ упоминая объ „успѣхахъ гражданственности и просвѣщенія“ въ средѣ „господствующаго класса“, но въ другихъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ и роль идей въ нашемъ историческомъ развитіи. Ключевскій ставитъ, напримѣръ, возвышеніе московскихъ князей въ зависимость отъ отношенія ихъ къ русской церкви и замѣчаетъ, что имъ удалось успѣшно собрать въ своихъ рукахъ „матеріальныя, политическія силы русскаго народа“ благодаря дружному содѣйствію добровольно соединившихся его духовныхъ силъ; онъ слѣдитъ за ростомъ „политическаго самосознанія великорусскаго общества“, за развитіемъ московской политической теоріи, приведшей къ рѣзкому отдѣленію московскаго государя отъ всего остальнаго общества и къ „идеѣ подданства“,—словомъ, за образованіемъ того „кодекса политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь“. Дальше онъ указываетъ на „національныя и религіозныя связи, спасшія общество въ смутное время“, и останавливается на характеристикѣ тѣхъ двухъ направленій „въ умственной жизни русскаго общества“, которыя сложились подъ вліяніями греческимъ и западнымъ и, въ борьбѣ другъ съ другомъ, „всего болѣе оживляли вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая, съ нѣкоторыми перерывами, томительно длилась до половины XIX вѣка“. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ замѣчаетъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ русская мысль „тронулась и пыталась повлечь за собой застоявшуюся жизнь“, а „въ пробужденіи простодушной вѣры русскихъ людей того времени въ науку и довѣрчивой надежды съ ея помощью все исправить“ усматриваетъ „главный нравственный успѣхъ въ дѣлѣ подготовки реформы Петра Великаго“ и руководящія начала его собственной

преобразовательной дѣятельности. Онъ полагаетъ, наконецъ, что такое влеченіе, неравномѣрно дѣйствуя на разные классы русскаго общества, нарушало прежнее „духовное согласіе, господствовавшее въ немъ вопреки соціальной розни“, но „та же вѣра, поддерживала насъ и послѣ преобразователя всякій разъ, когда мы, изнемогая въ погонѣ за успѣхами западной Европы, готовы были упасть съ мыслью, что мы не рождены для цивилизаціи, и съ ожесточеніемъ бросались въ самоуничженіе“. Итакъ, по мѣрѣ пристальнаго изученія позднѣйшихъ періодовъ нашей исторіи, Ключевскій все болѣе подчеркиваетъ значеніе „идей“ въ ея ходѣ, что и даетъ ему возможность отмѣчать новыя различія въ сочетаніяхъ элементовъ русской жизни, характеризующихъ данный періодъ ея развитія.

Нельзя не замѣтить, однако, что Ключевскій часто придаетъ понятію о „своеобразіи русской исторіи“ еще болѣе узкое значеніе: при изученіи ея „хода“ онъ едва ли даже не преимущественно интересуется индивидуальнымъ характеромъ даннаго сочетанія элементовъ, въ его зависимости отъ „встрѣчи“ данныхъ условій мѣста и времени, а не только сходствомъ каждаго изъ элементовъ, отдѣльно взятаго, съ другими; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на такой же характеръ субъекта развитія—носителя этого сочетанія, и не упускаетъ изъ виду своеобразія нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ составныхъ его элементовъ и частей изучаемаго имъ цѣлаго. Самъ Ключевскій указываетъ, напримеръ, на то, что изслѣдователь мѣстной исторіи встрѣчаетъ ея моменты и условія „въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ“ и что они, слѣдовательно, „внѣ даннаго мѣста, неповторимы“; что отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе замѣтное участіе въ историческомъ процессѣ, раскрываютъ природу человечества съ разныхъ сторонъ и особенно ярко проявляютъ ту или другую силу ея; что народъ становится въ государствѣ не только политической, но и исторической личностью, съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія и это сознаніе возрастаетъ по мѣрѣ усиливающагося вліянія его на другіе народы. Такую точку зрѣнія Ключевскій готовъ былъ, конечно, приложить и къ изученію русской исторіи; самъ онъ говоритъ, что „научная цѣль“ его Курса будетъ достигнута, если ему удастся дать изображеніе русскаго народа, „какъ исторической личности“. И дѣйствительно, онъ слѣдитъ за тѣмъ, въ какихъ именно условіяхъ мѣста и времени этотъ народъ дѣйствовалъ, какъ его жизнѣдѣятельность надолго сосредоточилась въ великорусскомъ племени, каковъ былъ его характеръ и какіе именно люди всего болѣе двигали его исторіей, какія „внѣшнія обстоятельства“ или историческія событія оказывали вліяніе на его прошлое, каковую

роль онъ игралъ среди другихъ европейскихъ націй и т. п. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій, въ сущности, пытается отмѣтить и тѣ историческіе моменты, которые придаютъ каждому изъ періодовъ нашей исторіи своеобразный характеръ, отличный отъ соотвѣтствующихъ періодовъ въ исторіи другихъ народовъ.

Въ собственно историческомъ пониманіи древняго, кіевскаго періода нашей исторіи Ключевскій расходится, однако, съ Соловьевымъ. вмѣсто того, чтобы говорить о родовомъ бытѣ древней Руси, сходномъ съ древнимъ патриархальнымъ бытомъ другихъ народовъ, нашъ историкъ выясняетъ тѣ мѣстныя условія и „внѣшнія обстоятельства“, подъ влияніемъ которыхъ онъ разлагался и роды взаимно сближались между собой; въ зависимости отъ того именно положенія, какое заняли восточные славяне на „круговой водной дорогѣ, опоясавшей всю Европу“, онъ объясняетъ возникновеніе тѣхъ древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси, которые укрѣплялись подъ влияніемъ печенѣжскихъ набѣговъ и главнѣйшіе изъ которыхъ стали политическими центрами областей, образовавшихся не изъ племенныхъ союзовъ, а изъ торговыхъ округовъ. Онъ замѣчаетъ также, что и норманны-варяги появились извнѣ на томъ же большомъ водномъ и торговомъ пути не въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись на западѣ: они проникли сюда въ качествѣ вооруженныхъ купцовъ, пробиравшихся черезъ Русь въ богатую Византію, а не пиратовъ, и, осѣдая въ русскихъ городахъ, усиливали собою тотъ туземный классъ „военно-торговой аристократіи“, изъ которой выдѣлился князь и образовалась его дружина. Онъ приходитъ къ заключенію, что въ то время „внѣшнія и внутреннія отношенія въ торгово-промышленномъ мірѣ русскихъ городовъ сложились въ такую комбинацію, въ силу которой охрана границъ страны и ея внѣшней торговли стала ихъ общимъ интересомъ, подчинившимъ ихъ князю кіевскому и сдѣлавшимъ кіевское варяжское княжество зерномъ русскаго государства“. Въ связи съ такимъ явленіемъ и съ „внѣшними обстоятельствами“ Ключевскій разсматриваетъ и дальнѣйшіе процессы подчиненія старинныхъ „городовыхъ областей“ кіевскимъ князьямъ, превратившимъ свою вооруженную силу въ политическую власть и объединившимъ подъ нею, посредствомъ очередного княжескаго владѣнія, восточныхъ славянъ въ одно „земское цѣлое“. Онъ выясняетъ, какимъ образомъ кіевская Русь стала „колыбелью русской народности“.

Вообще, настаивая на „своеобразіи“ русской исторіи, Ключевскій не считаетъ возможнымъ стирать ея особенности и въ „удѣльные вѣка“: онъ и тутъ исходитъ именно изъ того положенія, какое заняло великорусское племя въ „гидрографическомъ узлѣ“ верхневолжской Руси и изъ ея колонизаціи, оказавшей влияніе на обра-

зованіе понятія о князѣ, какъ о личномъ собственникѣ удѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ менѣе Соловьева склоненъ подчеркивать сходство княжескаго удѣла-вотчины съ феодальными порядками; онъ, конечно, замѣчаетъ все болѣе усиливавшееся распаденіе верхневолжской Руси „на мелкія тѣла, въ строѣ которыхъ, съ наивнымъ безразличіемъ, элементы государственнаго порядка сливались съ нормами гражданскаго права“, и готовъ признать въ юридическомъ значеніи самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли, черты сходства съ феодализмомъ; но онъ не усматриваетъ его ни въ процессѣ возникновенія такого смѣшенія, ни въ отношеніяхъ князя къ его боярамъ и вольнымъ слугамъ: отношенія ихъ были лично-служебными, такъ же, какъ отношенія черныхъ людей были лично поземельными¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая возвышеніе московскихъ князей изъ среды удѣльныхъ державцевъ, потерявшихъ прежнее значеніе, залогомъ собиранія элементовъ верховной власти и будущаго государственнаго единства московской Руси, онъ указываетъ на ту „встрѣчу“ благопріятныхъ условій и обстоятельствъ, благодаря которой оно стало возможнымъ, хотя сами московскіе Даниловичи, за исключеніемъ развѣ Дмитрія Донскаго, и не выдавались какими-либо особыми личными качествами. Изучая такой процессъ, да и то отношеніе, какое въ продолженіе XIV вѣка установилось среди сѣвернаго населенія къ московскому княжеству и его „хозяевамъ-вотчинникамъ“, руководившимъ народной обороной, онъ настаиваетъ на томъ, что ихъ государство развивалось въ связи съ внѣшнимъ расширеніемъ ихъ территоріи и стало складываться подъ гнетомъ внѣшняго ига и въ національной борьбѣ съ нимъ.

Въ изображеніи слѣдующаго періода русской исторіи, начинающагося со времени вступленія Ивана III на великокняжескій столъ, Ключевскій обнаруживаетъ то же стремленіе отбѣнить ея особенности. „Основной фактъ“ нашей исторіи XV—XVI вв. онъ усматриваетъ, на примѣръ—въ отличіе отъ Соловьева,—въ превращеніи московскаго княжества въ „національное великорусское государство“, а не въ общемъ процессѣ смѣны родовыхъ отношеній между князьями—отношеніями государственными. Московское государство образовалось изъ великорусскаго племени благодаря стремленію къ политическому единству на народной основѣ, слагавшемуся подъ вліяніемъ той борьбы, которую оно вело на „два фронта: на западѣ—за національное единство, на юго-востокѣ—за христіанскую цивилизацію, тамъ и

¹⁾ Въ своей „Боярской Думѣ“ Ключевскій рѣзче подчеркиваетъ землевладѣльческое значеніе боярства въ удѣльное время, но первый томъ его „Курса“ вышелъ болѣе двадцати лѣтъ послѣ изданія „Боярской Думы“.

здѣсь—за свое существованіе“. Такимъ образомъ, „оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ“ становилась тѣмъ „высшимъ интересомъ“, который не допускалъ окончательнаго разрыва враждовавшихъ общественныхъ силъ, заставляя ихъ противъ воли дѣйствовать дружно: „подъ руководствомъ командира“ каждый становился или солдатомъ, оборонявшимъ отечество, или работникомъ, который долженъ былъ кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Впрочемъ, въ то время верховная власть, съ неопредѣленнымъ, т.-е. неограниченнымъ пространствомъ ея дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ, именно къ главному изъ нихъ—къ боярской аристократіи, не могла еще достигнуть внутренняго государственнаго единства: даже Иванъ Грозный, съ его „настоящимъ великорусскимъ умомъ“, сознавъ себя національнымъ государемъ, „на половину своего самосознанія остался удѣльнымъ вотчинникомъ“ и больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ для того, чтобы завершить образованіе „національнаго великорусскаго государства“. Да и въ позднѣйшее время „вотчинно-династическій взглядъ на государство“ не совсѣмъ утратился: онъ послужилъ одною изъ основныхъ причинъ смуты и только въ смутное время, впервые глубоко затронувшее политическое сознаніе русскихъ людей, они „опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ государя, но ни государь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа“.

Все болѣе входя въ область „автобіографіи“, Ключевскій сильнѣе Соловьева обнаруживаетъ, наконецъ, ту же наклонность выдвигать „своеобразіе“ нашей исторіи и въ своемъ пониманіи новаго ея періода,—времени, когда русскіе государи завершили собираніе всей русской народности и государственная территорія вобрала въ себя всю русскую равнину. Въ своей характеристикѣ этого періода нашъ историкъ придаетъ особенно важное значеніе международному положенію страны: „неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа“, который въ развитіи своихъ силъ отставалъ отъ задачъ, становившихся передъ государствомъ вслѣдствіе ускореннаго внѣшняго роста,—таковъ, по его мнѣнію, главный фактъ, оказавшій существенное вліяніе и на соотношеніе остальныхъ фактовъ того времени—политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ; онъ обусловилъ стѣсненіе „внутренней свободы народа“, усиленіе соціальнаго неравенства и ухудшеніе въ положеніи трудящихся классовъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій даетъ сжатую характеристику послѣдняго періода нашей исторіи; различая во внѣшней политикѣ того времени два момента—оборонительный и наступательный, онъ приходитъ къ слѣдующей формулѣ: „по мѣрѣ того, какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усло-

жнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того, какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались ихъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными словесными правами, и скучивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того, какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества“.

Въ связи съ такимъ пониманіемъ „хода дѣлъ“ въ новый періодъ нашей исторіи Ключевскій допускаетъ еще одно характерное уклоненіе отъ схемы Соловьева: онъ начинаетъ этотъ періодъ съ начала XVII-го вѣка, а не съ эпохи преобразованій, и такимъ образомъ еще болѣе сглаживаетъ кажущійся разрывъ между временемъ до и послѣ реформы. Въ своемъ построеніи, однако, Ключевскій не только усиливаетъ, но и измѣняетъ взглядъ Соловьева: не начиная новаго періода съ эпохи преобразованій Петра Великаго, новѣйшій нашъ историкъ не разрываетъ тѣсной ея связи съ предшествующимъ нашимъ развитіемъ, и, значитъ, не приписываетъ реформѣ того чрезмѣрнаго значенія, которое будто бы состояло въ „крутомъ поворотѣ на западъ“ и въ „заимствованіи плодовъ европейской цивилизаціи“. Онъ подчеркиваетъ не только значительную зависимость реформы отъ времени, наступившаго послѣ смуты, но отмѣчаетъ и то, что явилось, „сверхъ чаянія“, въ качествѣ „непредвидѣнныхъ“ послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій полагаетъ, что XVII-ый вѣкъ весь былъ эпохой, подготовлявшей реформу Петра Великаго, и что „его программа была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя“ и даже шла „дальше того, что онъ сдѣлалъ“. Послѣ тщательнаго изученія реформы, онъ приходитъ къ заключенію, что Петръ сберегъ въ себѣ „слишкомъ много допетровскаго царя“ и многое взялъ изъ старой Руси: государственныя силы, верховную власть, право и сословія, иногда, впрочемъ, соединяя элементы старины въ новыя сочетанія, или раздѣляя слитые. У Запада онъ заимствовалъ лишь техническія средства для устройства арміи, флота, государственнаго и народнаго хозяйства и правительственныхъ учреждений, не всегда сохраняя западно-европейскіе образцы въ прежнемъ ихъ видѣ и „передѣлывая ихъ на московскій ладъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нашъ историкъ не упускаетъ изъ виду и того, что преобразованія Петра „направлялись условіями его времени, до него не дѣйствовавшими“, что они частью были созданы имъ самимъ, частью вторгнулись въ его дѣло со стороны. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій вскрываетъ и своеобразіе реформы: въ томъ именно видѣ, въ какомъ она произошла, реформа зависѣла прежде всего отъ

„сѣверной“ войны и ея случайностей. Сѣверная война была „главнымъ движущимъ рычагомъ“ реформы; она указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые приемы ея осуществленія. Реформа, по своему исходному моменту и по своей конечной цѣли, была военно-финансовая; всѣ остальные мѣры оказались либо неизбежными слѣдствіями, либо подготовительными средствами къ достиженію главной цѣли; факты, вытекавшіе изъ этого двойственнаго значенія реформы, коснулись всѣхъ классовъ, отозвались на всемъ народѣ. На ряду съ своеобразными обстоятельствами, при которыхъ преобразователю приходилось дѣйствовать, Ключевскій указываетъ и на своеобразіе его личности: онъ не мало посвятилъ труда выясненію ея особенностей. Хотя онъ и полагаетъ, что реформа „сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа“, но не упускаетъ изъ виду и того, что эти нужды были „почувствованы властнымъ человѣкомъ съ чуткимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, талантами, дружно совмѣстившимися въ одной изъ тѣхъ исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія, по неизвѣданнымъ еще причинамъ, отъ времени до времени появляются въ человѣчествѣ“. Такою личностью онъ признаетъ Петра Великаго, предпринявшаго борьбу деспотизма съ народомъ и съ его косностью, но не чуждаго мысли, что его военно-финансовая реформа, въ своемъ продолженіи, должна стать соціально-экономической и быть направленной къ усиленію производительныхъ силъ страны, съ помощью общественной самодѣятельности. Нашъ историкъ не забываетъ отмѣтить и тѣ послѣдствія, которыя „сверхъ чаянія“ непредвидѣнно возникали изъ реформы и оказывались или въ извѣстной мѣрѣ благотворными для русской жизни, или, напротивъ, зловредными искаженіями, хотя бы, на примѣръ, того стремленія поднять производительность народнаго труда средствами европейской культуры, которое, по смерти преобразователя, „превратилось въ усиленную фискальную эксплуатацію и полицейское порабощеніе самого народа“.

Пристально всматриваясь въ ходъ реформы, Ключевскій, какъ видно, сильно подчеркиваетъ своеобразное вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на внутреннія преобразования и ограничиваетъ ихъ значеніе, а также и роль самого преобразователя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что самъ Петръ „проникся мыслью о народномъ благѣ, какъ никто изъ нашихъ царей“, и не отрицаетъ того новаго историческаго момента, который его реформа отчасти обусловила: изъ забытаго Европой арьергарда, оберегавшаго тылъ европейской цивилизаціи, Россія стала государствомъ, впервые дѣятельно вступившимъ, какъ органическій членъ, въ семью европейскихъ державъ.

Итакъ, въ своемъ построеніи послѣдняго періода нашей исторіи

Ключевскій сливаетъ время до и послѣ реформы; но онъ все же придаетъ ей особаго рода значеніе и отмѣчаетъ весьма важное вліяніе ея на послѣдующее наше развитіе. Долго остановившись на характеристикѣ преобразованій и ихъ послѣдствій, онъ не успѣлъ съ той же индивидуализирующей точки зрѣнія разсмотрѣть своеобразіе дальнѣйшаго хода русской исторіи; онъ довелъ изображеніе ея лишь до того времени, когда „дворцовое государство преемниковъ Петра I получило видъ сословно-дворянскаго“, а „правовое народное государство было еще впереди и не близко“.

Такимъ образомъ, въ своемъ общемъ курсѣ, Ключевскій преимущественно придерживается собственно историческаго пониманія нашего прошлаго, въ значительной мѣрѣ соподчиняя ему ту соціологическую точку зрѣнія, съ которой онъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ по исторіи учреждений и соціально-экономическихъ отношеній. Для такого именно пониманія онъ и пользуется соціологическимъ методомъ изученія фактовъ русской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій изучаетъ историческую личность русскаго народа въ ея развитіи, отмѣняетъ зависимость хода нашей исторіи отъ „встрѣчи“ разнаго рода условій, отъ мѣстныхъ особенностей и отъ „внѣшнихъ обстоятельствъ“, даже какъ будто подчеркиваетъ сравнительно бѣльшее съ теченіемъ времени вліяніе послѣднихъ и не упускаетъ изъ виду историческихъ лицъ, „по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени до времени появляющихся въ челоуѣчествѣ“; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все же продолжаетъ примѣнять „соціологическій методъ“ къ изученію причинъ и послѣдствій этихъ фактовъ: онъ не столько описываетъ ихъ, сколько изслѣдуетъ, какимъ образомъ они возникли и, въ особенности, какое вліяніе они оказали на жизнь русскаго общества, на его „строеніе“ и его „движеніе“. Съ такой точки зрѣнія нашъ историкъ изучаетъ, на примѣръ, и основаніе кievскаго княжества, и образованіе великорусскаго московскаго государства, и политическую, а также соціальную борьбу, наступившую въ смутное время, и эпоху преобразованій, въ особенности военно-финансовую реформу, оказавшую „глубокое дѣйствіе на складъ общества и на дальнѣйшій ходъ событій“, и многія другія менѣ крупныя явленія нашей исторіи.

Въ задачи настоящей замѣтки не входитъ разсмотрѣніе болѣе частныхъ, но не менѣ цѣнныхъ наблюденій и выводовъ, которые Ключевскій высказываетъ чуть ли не на каждой страницѣ своихъ трудовъ, всегда освѣщенныхъ творческою мыслью и богатыхъ свѣжимъ фактическимъ содержаніемъ; но и сказаннаго, можетъ быть, достаточно для того, чтобы напомнить главнѣйшіе принципы его соціологическихъ и собственно историческихъ изысканій и дать почувство-

вать, что его научная дѣятельность составляетъ цѣлую эпоху въ нашей историографіи.

Все шире и глубже охватывая русскую историческую дѣйствительность въ ея цѣлостности, Ключевскій много сдѣлалъ для научной ея конструкціи и для послѣдующей ея разработки: онъ обладалъ слишкомъ яркой индивидуальностью и слишкомъ творческимъ воображеніемъ, чтобы ограничиться накопленіемъ „прочно поставленныхъ фактовъ“. Онъ высказалъ не мало блестящихъ гипотезъ и построеній; ими онъ всего болѣе будилъ нашу историческую мысль и двигалъ ее впередъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она подвергала критикѣ его собственныя предположенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Ключевскій умѣлъ „говорить“ не только отвлеченными формулами или „сухими“ фактами, но и мастерскими картинами и живыми образами; они подсказываютъ читателю многое, что онъ не могъ бы воспринять изъ строго размѣренной рѣчи кабинетнаго ученаго; они даютъ чувство прошлой жизни и заставляютъ переживать историческую дѣйствительность, а переживаніе ея облегчаетъ дѣятельное, иногда даже новое пониманіе того, что было. Ключевскій не довольствовался, однако, такими результатами: самъ глубоко переживая и прошлыя судьбы нашей родины, и социальныя реформы шестидесятихъ годовъ, и тяжелую политическую борьбу послѣднихъ лѣтъ, онъ думалъ, что исторія отечества должна имѣть также прикладную цѣль для дѣтей его; своими трудами онъ хотѣлъ содѣйствовать тому, чтобы каждый изъ насъ былъ „хоть немного историкомъ“ и могъ „стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ“. И едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли: читая его исторію русской народности, каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ живетъ не только въ ея прошломъ, но и для ея будущаго...

А. Лаппо-Данилевскій.

